

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Обыкновенная женщина

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=615705
Аверченко А.Т. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-29281-3*

Аннотация

«... Мы с ней жили вместе и, не могу сказать, чтобы жили плохо...

Но я никак не мог отделаться от мысли, что она не настоящий человек, втайне смотрел на нее, как на забавную игрушку, и однажды, когда она, наморщив лоб, спросила меня в упор:

– Скажи, ты уважаешь меня? – Я упал с оттоманки на диван
...»

Аркадий Аверченко

Обыкновенная женщина

Звали эту женщину – Зоя, имя легкое, не имеющее веса, золотистое, все насквозь пронизанное желтыми лучами солнца, вызывающее мысль о светлых, коротко подстриженных кудрях и тонкой атласной коже с голубыми жилками; губки розовые, ножки маленькие, голосок, как серебряная ниточка.

Вот какое представление вызывает у меня имя – Зоя. А может быть, все это потому, что носительница имени «Зоя» – была действительно такова по внешности.

Мы с ней жили вместе и, не могу сказать, чтобы жили плохо...

Но я никак не мог отделаться от мысли, что она не настоящий человек, втайне смотрел на нее, как на забавную игрушку, и однажды, когда она, наморщив лоб, спросила меня в упор:

– Скажи, ты уважаешь меня? – Я упал с оттоманки на диван и стал корчиться от невыносимого смеха отчасти утрированного, отчасти – настоящего.

– Чудак ты, человечина, – отвечал я ей, успокаивая. – На что тебе мое уважение? Ты бы ревела от муки и тоски, если бы я тебя уважал. Ну, за что тебя уважать, скажи на милость?

– За что?

Она немного растерялась.

– Как за что? Ну за то, что я... гм! Порядочный человек. За то, что я к тебе хорошо отношусь... Ну, за то, что я... тебе нравлюсь.

– Замечательный ты человечина! Разве за это уважают? За это любят.

– Так ты меня любишь?

– Ну конечно.

– Значит, я лучше всех?

– Помилуй, как так ты лучше всех? Не дай бог, если бы ты была лучше всех... Тогда все мужчины повлюблились бы в тебя, и я уж никак не мог бы протолпиться к твоему сердцу... Нет, конечно, есть на свете женщины лучше тебя.

Она опечалилась... Опустила голову и сказала, растерянно разглаживая пальчиком шов диванной подушки:

– Вот тебе и раз... я этого от тебя не ожидала...

А я рассматривал ее близко-близко, как естествоиспытатель – редкого зверька, и мне было смешно-смешно.

– Ну, посуди сама! Голубь мой золотой: не может же быть, чтобы ты была лучше всех... Есть женщины лучше тебя? Есть. Красивее? Есть. Обаятельнее? Есть.

Она криво усмехнулась:

– Ну, в таком случае я счастливее тебя: ты, по-моему, самый умный, самый красивый, самый обаятельный...

– Ты так думаешь? А по-моему, я вот что: я человек 35

лет, шатен, лицо приятное, особых примет нет, ум не государственный, а так, для домашнего обихода, а что касается обаяния, то почему же, черт возьми, меня окружают десятки женщин, которым даже в голову не придет обратить на меня благосклонное внимание?

– Господи ты мой. Господи, какой вздор несет этот человек! Знаешь, какой ты? Я тебя опишу: у тебя глаза горят, как две звездочки, улыбка твоя туманит голову, а голос твой проникает в самое сердце и прямо переворачивает его. Знаешь, на кого ты похож? На серебряного тигра, вот на кого.

– Не видал таких. Они что ж, эти серебряные тигры, также носят визитку, темный галстук и по будним дням ходят на службу?

– Ты – глупый.

– Не скажу. Недалекий – пожалуй, но глупый – это уже крайность.

– Слушай, – прошелестела она мне на ухо, прижимаясь ко мне. – Я сказала тебе, какой ты...

– Ну?

– Теперь же скажи мне, какая я?

– Ты? Зовут тебя Зоя, ты ниже среднего женского роста, волосы у тебя очень хорошие, грудь немного полнее, чем бы следовало, а ноги немного короче, чем это требуется правилами женского сложения. Но и то и другое – следствие твоего роста. Таковы уж все маленькие женщины. Глаза красивые, но поставлены друг к другу ближе, чем следует. Ручка

малюсенькая, но ногти, хотелось бы, чтобы были поуже.

Она встала и отшатнулась от меня, бледная, с широко раскрытыми, остановившимися глазами.

– Постой! И ты осмеливаешься говорить, что любишь меня?! Меня, с большой грудью, с короткими ногами, с широкими ногтями – ты говоришь, что любишь меня?!!

Она упала на диван, и слезы, как вешние воды с гор, хлынули из глаз ее.

А я сидел, задумчиво опершись подбородком о свою спокойную холодную руку, и внимательно рассматривал плачущую женщину.

И думал:

«Понять женщину легко, но объяснить ее трудно. Какое это нечеловеческое, выдуманное чьей-то разгоряченной фантазией существо! Что может быть общего между мной и ею, кроме физической близости и примитивных домашних интересов?»

А она рыдала, исходила слезами, изредка ударяясь головой о собственные, сложенные на спинке дивана руки:

– А я-то, глупая, думала все время, что мы созданы друг для друга!! Еще давеча, когда к чаю подали печенье и ты выбирал только соленое, то я подумала: Господи, как много между нами общего, хым... хым...

– Между нами – общее?! Что за ересь говоришь ты? С какой стороны мы похожи друг на друга? Я – большой, толстый, сильный, ты маленькая, хрупкая, закутанная в кружев-

ные тряпки и ленты. Я дымлю папиросами, как фабричная труба. Ты задыхаешься от этого дыма, как моль от нафталина. Попробуй надеть на меня то, что носите вы: туфли на высоченных каблуках, паутинные панталоны, кофточку из кисеи, корсет. Я сделаю несколько шагов и последовательно упаду, простужусь насмерть и задохнусь от корсета, одним словом – погибну. Ну, что же общего между нами? А попробуй надеть мужской костюм на хорошо сложенную женщину – и спереди и сзади это будет так нехудожественно, так неэстетично... Правда, худые женщины могут надевать мужской костюм, но это только тогда, когда у них нет ни груди, ни бедер, то есть когда они похожи на мужчину.

Она подняла на меня страдающие, заплаканные глаза...

– Это все пустяки, все внешние различия, а я говорю о духовном сродстве.

– Увы, где оно?.. Мужчина почти всегда духовно и умственно превосходит женщину...

Ее глаза засверкали.

– Да?!! Ты так думаешь? А что, если я тебе скажу, что у нас в Киеве были муж и жена Тиняковы, и – знаешь ли ты это? – она окончила университет, была адвокатом, а он имел рыбную торговлю!! Вот тебе!

– Дитя ты мое неразумное, – засмеялся я, ласково, как ребенка, усаживая ее на колени. – Да ведь ты сама сейчас подчеркнула разницу между нами. Заметь, что я, мужчина, всегда говорю о правиле, а ты – бедная логикой, обыкновенная

женщина, – сейчас же подносишь мне исключение. Бедная головушка! Все люди имеют на руках десять пальцев – и я говорю об этом... А ты видела в паноптикуме мальчишку с двенадцатью пальцами – и думаешь, что в этом мальчишке заключено опровержение всех моих теорий о десяти пальцах.

– Ну, конечно, – удивилась она. – Как же можно говорить о том, что правило – десять пальцев, когда (ты же сам говоришь!) существуют люди с двенадцатью пальцами.

Говоря это, она деловито бегала по комнате, уже забыв о своих горьких слезах, и деловито переставляла какие-то фарфоровые фигурки и какие-то цветы в вазочках. И вся она в своих туфельках на высоких каблуках, в нечеловеческом пеньюаре из кружев и ленточек, с золотистой подстриженной кудрявой головкой и еще не высохшими от слез глазами, с ее покровительственным тоном, которым она произнесла последние слова, – вся она, эта спокойно чирикающая птица, не ведающая надвигающейся грозы моего к ней равнодушия, – вся она, как вихрем, неожиданно закружила мое сердце.

Лопнула какая-то плотина, и жалость к ней, острая и неизбежная жалость, которая сильнее любви, – затопила меня всего.

«Вот я сейчас только решил в душе своей, что не люблю ее и прогоню от себя... А куда пойдет она, эта глупая, жалкая, нелепая пичуга, которая видит в моих глазах звезды, а

в манере держаться – какого-то не существующего в природе серебристого тигра? Что она знает? Каким богам, кроме меня, она может молиться? Она, назвавшая меня вчера своим голубым сияющим принцем (и чина такого нет, прости ее Господи!).

А она, постукивая каблучками, подошла ко мне, толкнула розовой ладонью в лоб и торжествуя сказала:

– Ага, задумался! Убедила я тебя? Такой большой – и так легко тебя переспорить...

Жалость, жалость, огромная жалость к ней огненными языками лизала мое черствое, одеревяневшее сердце.

Я привлек ее к себе и стал целовать. Никогда не целовал я ее более нежно и пламенно.

– Ой, оставь, – вдруг тихонько застонала она. – Больно.

– Что такое?!

– Вот видишь, какой ты большой и глупый... Я хотела тебе сделать сюрприз, а ты... Ну да! Что ты так смотришь? Через семь месяцев нас будет уже трое... Ты доволен?

* * *

Я долго не мог опомниться.

Потом нежно посадил ее к себе на колени и, разглядывая ее лицо с тем же напряженным любопытством, с каким висектор разглядывает кролика, спросил недоверчиво:

– Слушай, и ты не боишься?

– Чего?..

– Да вот этого... ребенка... Ведь роды вообще опасная штука.

– Бояться твоего ребенка? – мягко, непривычно мягко усмехнулась она. – Что ты, опомнись... Ведь это же твой ребенок.

– Послушай... Можно еще устроить все это...

– Нет!

Это прозвучало как выстрел. Последующее было мягче, шутивее:

– А ты прав: между мужчиной и женщиной большая разница...

– Почему?

– Да я думаю так: если бы детей должны были рожать не женщины, а мужчины, – они бежали бы от женщин, как от чумы...

– Нет, – серьезно возразил я. – Мы бы от женщин, конечно, не бегали. Но детей бы у нас не было – это факт.

– О, я знаю. Мы, женщины, гораздо храбрее, мужественнее вас. И знаешь – это будет прескверно: нас было двое – станет трое.

Потом она долго, испытующе поглядела на меня:

– Скажи, ты меня не прогонишь?

Я смутился:

– С чего ты это взяла? Разве я говорил тебе о чем-нибудь подобном?

– Ты не говорил, а подумал. Я это почувствовала.

– Когда?

– Когда переставляла цветы, а ты сидел тут на оттоманке и думал. Думал ты: на что она мне – прогоню-ка я ее.

Я промолчал, а про себя подумал другое: «Черт знает кто их сочинил, таких... Умом уверена, что люди о двенадцати пальцах, а чутьем знает то, что на секунду мелькнуло в темных глубинах моего мозга...»

– Ты опять задумался, но на этот раз хорошо. Вот теперь ты миляга.

Разгладила мои усы, поцеловала их кончики и в раздумье сказала:

– Пожалуй, что ты больше всего похож на зайца: у тебя такие же усики...

– Нет, уж извини: мне серебристый тигр больше по душе!..

– Ну, не надо плакать, – покровительственно хлопнула она меня по плечу. – Конечно, ты тигр серебряный, а усики из золота с бриллиантами.

Я глядел на нее и думал:

«Ну, кому она нужна, такая? Нет, нельзя ее прогнать. Пусть живет со мной».

– Ну, послушай... Ну, посуди сам: разве это не весело? Нас сейчас двое, а через семь месяцев будет трое.

* * *

И тут она ошиблась, как ошибалась во многом: через семь месяцев нас было по-прежнему двое – я и сын. Она умерла от родов.

Мне очень жалко ее.